

системы: возбужденное состояние центральны́х органовъ передается по такъ называемымъ двигательнымъ нервамъ и вызываетъ сокращеніе мускуловъ. Когда наши движенія являются предметомъ волеизъявленія руководящихъ, или мимодвиженій, не управляемыхъ. А потому и естественно, что при болѣе развитіи психической жизни они наступаютъ не такъ часто и становятся менѣе раздѣльными: мы тогда контролируемъ ихъ умомъ нашимъ, сдерживаемся.

О волевыхъ актахъ.

Необходимо по возможности шире ограничить волевые акты отъ всего того, что представляетъ лишь что-то аналогичное имъ. Воля проявляется въ движеніяхъ, въ дѣйствіяхъ нашихъ. Но некоторые движенія какъ бы предполагаютъ ее участіе, но на самомъ дѣлѣ совершаются безъ пред-
 Проф. Лейкерманъ. Психолог. Лекц. 15.

варительной работы сознания. Ихъ называютъ автоматическими. При зрѣнь различаютъ первично — автоматическія и вторично — автоматическія движенія. Первично — автоматическія характеризуются тѣмъ, что способность и склонность къ ихъ выполнению принадлежитъ намъ съ самаго момента нашего рожденія. Напримеръ, только-что родившійся ребенокъ моргаетъ глазами, если махнуто близко около лица его рукой. Движенія же, которые сначала выполняются сознательно и лишь потомъ становятся автоматическими, называютъ вторично — автоматическими; напримеръ, движенія ногъ при ходьбѣ, движенія пальцевъ у музыканта. Понятно, что автоматическія движенія, какъ производимыя безъ предварительной работы сознания слѣдуетъ объяснять не психологически, а физиологически. Первично — автоматическія прямо обуславливаются устройствомъ нервной системы. Что же касается вторично — автоматическихъ, то

они, какъ сказано, первоначально соверша-
ются сознательно. Можно предположить,
что душевные явленія сопровождаются
при этомъ нервными, и эти послѣдніе
оставляютъ послѣ себя извѣстные из-
мѣненія въ нервной системѣ. Когда
такіе измѣненія уже достаточно ве-
лики, психическіе процессы оказываются
необходимыми, и движенія выполняются
безъ участія сознанія, просто въ силу
вновь проявленныхъ нервной системой
особенностей. Главнѣйшю частью мы про-
изводимъ автоматичныя движенія подъ
вліяніемъ вѣншнаго раздраженія. Въ
такихъ случаяхъ мы и называемъ
рефлективными. Если у
спящаго слегка уколотъ палецъ булав-
кой, онъ безсознательно отдернетъ руку.
Морганіе и чиханіе (оно обусловлива-
ется сокращеніемъ извѣстныхъ мышцъ)
также являются примѣрами реф-
лексовъ. Подробнѣе факты объясняютъ
слѣдующимъ образомъ. Въ нервныхъ
центрахъ идутъ волокна двоякаго ро-
да: одни служатъ для передачи ощу-

щений² отъ периферіи къ центру (Двигатель-
сенсорные нервы), а по другимъ ^{приходятъ} ~~нервамъ~~
отъ центра къ мускуламъ (Двигатель-
моторные нервы). Можно думать, что
при несильномъ внешнемъ раздраженіи
токъ достигаетъ (по Двигатель-сенсорному
нерву) лишь ближайшаго центра и, не
передаваясь главному (головному мозгу),
участіе которыхъ необходимо, чтобы ощу-
щеніе было сознательнымъ, непосредствен-
но возвращается по двигательнымъ нер-
вамъ къ соответствующимъ мускуламъ.
Нередко автоматическія движенія, обусловлен-
ныя внешними вліяніями, зываютъ
случайными; тогда ихъ называютъ рефлекс-
ами случайными. Рефлективные движенія
могутъ относиться къ разряду первично-
автоматическому, какъ въ приведенныхъ
выше примѣрахъ, и вторично-автоматиче-
скимъ, напримеръ, безсознательныя дви-
женія ногъ у танцующаго при звукахъ
музыки (музыка играетъ при этомъ
роль внешнего раздражителя); движенія
при танцахъ можно считать рефлекс-
ными, ибо танцующіе останавливаются,

когда музыканты перестанут играть, и дамы будут делать последние шаги собою, дамы будут обдушивать тогда свои движения, обращая их в сознательные, чтобы не прекратить танцев?

В жизни действительной, совершаемой без участия воли и без предварительной работы сознания, отчасти обыкновенно и инстинктивной. Самое понятие об инстинкте в высшей степени расплывчиво. Мы привыкли объяснять все, что имеет характерное у животных, присущим им инстинктам. Усматривая нередко аналогию между человеком и животным, мы и в жизни человека определяем весьма много, как инстинкт. Благодаря этому в разряд инстинктивных попадает целый ряд наших действий, а также чувствований и желаний.

Говоря об инстинктивных действиях, необходимо иметь в виду следующее: 1) мы их противопоставляем сознательным; следовательно,

такихъ именъ нужно называть лишь
 двояркенія автоматичныя; 2) инстинктъ
 принадлежитъ цѣлому классу живот-
 ныхъ, или, если болѣе идетъ о человѣкѣ,
 всего лишь людей; онъ коренится въ самой
 природѣ человека или животного, а по-
 тому инстинктивные двояркенія отно-
 сятся къ числу автоматичныхъ и, имен-
 но, первично-автоматичныхъ; 3) обык-
 новенно мы разумѣемъ подъ инстинк-
 тивными дѣйствіями такъ или иначе
 направленными къ самосохраненію и
 притомъ 4) болѣе или менѣе слож-
 ныя.

Примѣчаніе. Вращиваясь,
 въ какому же случаю можно прило-
 жить къ чувствованіямъ терминъ „ин-
 стинктъ“ при такомъ его толкова-
 нии? Мы называемъ инстинктивными
 дѣйствіями безразнаменныя. Понятно, что
 чувствованій и стремленій, которые опи-
 сались бы подобными характерами, не
 можетъ быть вовсе. Далѣе, инстинктъ
 обуславливается самой природою че-
 ловека, или животного. Но всякое чувство

ваніе въ которой мѣръ определяется природою нашей. Возможно провести границу развоу лишь между существованіемъ, которыя возникаютъ легко при самыхъ разнообразныхъ внешнихъ условияхъ, и такими, которыя наступаютъ только при исключительныхъ обстоятельствахъ. Выдвигая на первый планъ этотъ неопредѣленный основной признакъ инстинктивныхъ существованій и стремленій можно было бы затѣмъ добавить, что обыкновенно они вѣкаются способствовать цѣлямъ самосохраненія и отлагаются хотя въ некоторой сложности.

Волевою актъ можно признать лишь тогда, когда наблюдается предварительная работа сознанія. Мы принимаемъ каждое данное рѣшеніе подъ вліяніемъ нашихъ стремленій. Стремленіе предполагаетъ неудовлетворенность, а эта послѣдняя — непріятное чувство. Чувстваванія и даютъ нашимъ дѣйствіямъ такое или иное направленіе. Но если уничтожить чувство, которое насъ

безпокоить, необходимо найти, обсудить средства къ тому. Такии образы, при волевои актѣ обыкновенно имѣютъ мнѣсто и познавательныя операціи; только мнѣ принадлежитъ здѣсь существенная роль. Пусть человекъ почувствовалъ голодъ. Онъ испытываетъ некрѣпкое состояніе; сознаетъ, какъ отъ него избавиться, и принимаетъ пищу. Вотъ примѣръ волевои актѣ, самое простое. Но волеи частью человекѣмъ овладѣваетъ одновременно нѣскольکو стремленій. Между ними происходитъ борьба. Чувствованія, за ними скрывающіяся, складываются въ извѣстную равнодѣйствующую, которой и опредѣляется направленіе нашей воли. При этомъ обыкновенно играетъ роль и воображеніе^{наше}, познавательная деятельность не ограничивается у насъ обсужденіемъ способовъ къ удовлетворенію стремленій: мы опредѣляемъ и рисуемъ себѣ то, что случится, если мы осуществимъ наши намеренія. Мысли о последствияхъ поступка и особенно

усиленная работа воображений, когда мы не только отвлеченно сознаем, но и наглядно представляем себѣ, къ чему приведетъ данное дѣйствіе наше, явля-
ется въ свою очередь источникомъ чув-
ствований, такъ что познавательная
дѣятельность косвенно вліяетъ и на
самую равнодѣйствующую чувствований,
отъ коей зависитъ направленіе нашей во-
ли. Наконецъ, и обдумать средства къ
выполненію стремленій бываетъ иногда
не легко. Такиимъ образомъ, волевой про-
цессъ разрастается часто въ весьма
сложное психическое цѣлое.

Примѣчаніе. Нурко,
впрочемъ, пишетъ въ виду, что равно-
дѣйствующая чувствований образуется
иначе, чѣмъ равнодѣйствующая физиче-
скихъ силъ. Ея направленіе рѣшитель-
нымъ образомъ опредѣляется только
чувствованіемъ, какое въ данный моментъ
надъ остальными преобладаетъ, а не
всѣми испытываемыми въ данное вре-
мя чувствованіями — въ соотвѣст-
ствіи съ

Прод. Лейфевьеръ Психологія. Листъ 16.

ственной жизни.

Во многих случаях человек поступает вопреки велениям разума. Это объясняется изъ самого характера волевого процесса. Сильный разумный выводъ вызываетъ иногда существованіе, недостаточно сильное для того, чтобы дать всей равнодѣйствующей массѣ существованій соответствующее направленіе и кореннымъ образомъ вліять на наше рѣшеніе. Равнымъ образомъ, народитъ себя въ представленной формѣ волевого акта объясненіе и тотъ фактъ, что мы нередко измѣняемъ наши намеренія и, вполнѣ удовлетившись въ необходимости данного поступка, неожиданно принимаемъ иной образъ дѣйствій. Подъ вліяніемъ новыхъ соображеній, вновь всплывшей идеи, новой работы воображенія и пр... можетъ внезапно примѣться одно изъ существованій, направляющихъ нашу волю, или зародится новое существованіе и придастъ равнодѣйствующей существованій другой характеръ.

Примѣчаніе. Нельзя снотворить на страсти, какъ на нѣчто *desiderat*, и отодвигать ихъ отъ процессовъ чувствованій и волевыхъ актовъ. Корень страсти предполагаетъ снотворный стремленій, который нередко переходитъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, тутъ имѣются нѣчто чувствованій и волевые акты. Поэтому мы называемъ страстью не уснаніе, одинъ разъ овладѣвшее человекомъ, а наклонность, болѣе или менѣе долгое время проявляющуюся; мы обозначаемъ эти терминомъ цѣловый рядъ снотворящихъ одно другое уснаніе (или группъ желаній). При этомъ было должно имѣть о стремленіяхъ, осуществляемыхъ посредствомъ особенностей. Это уснаніе 1) детально интензивныя, 2) стоящая въ связи одна съ другою, 3) часто принадлежащая къ числу телесныхъ и 4) нередко обуславливаемая самой физиологической природою человека.

О свободе воли.

Разсуждая о волевымъ актахъ, психологи обыкновенно съ особымъ интересомъ останавливаются на вопросѣ о свободѣ воли. Вопросъ этотъ въ свое время очень много возмущалъ умы ученыхъ, да и теперь его часто склонны рѣшать въ отрицательномъ смысле. Человѣкъ въ дѣйствіяхъ своихъ лишь повинуется необходимому закону. Статистика показываетъ, что, напримѣръ, число преступленій, совершаемыхъ въ теченіе года, всегда остается приблизительно одинаковымъ. Идеи, господствующія въ обществѣ, историческія традиціи, воспитаніе — все это оказываетъ свое вліяніе, и человѣкъ необходимому образу рѣшается на такіе, а не иные поступки. Какобыя возраженія обуславливаются, собственно, неденой постановкой самаго вопроса. Наша воля свободна, т.е. человѣкъ самъ выбираетъ, что ему дѣлать; отъ него самого зависитъ его рѣшеніе; человѣкъ

поступает так или иначе, смотря по своимъ стремлѣнiямъ, стремлениямъ. На это возражаютъ, что въ психической деятельности произвола нѣтъ, что душевныя явленiя, а въ томъ числѣ и волевые акты, такъ же подчиняются необходимымъ законамъ, какъ и явленiя природы, а потому не можетъ быть и речи о томъ, будто дѣйствiя наши обуславливаются влѣчателемъ свободно оперирующей воли. Но разсуждая о свободѣ воли, мы имеемъ въ виду лишь то обязательство, что поступки человека опредѣляются не извне, а его собственнымъ душевнымъ миромъ. При такой постановкѣ вопроса приведенныя возраженiя теряютъ свой смыслъ. Пусть психическiй миръ подчиненъ необходимымъ законамъ. Это лишь означаетъ, что душевныя явленiя протекаютъ по неизмѣннымъ схемамъ. Но отсюда ничего не слѣдуетъ. Факты психической жизни складываются въ какiя-то схемы; зрѣлы не противостоятъ то обязательству, что воля человека опредѣляется не из-

внѣ, что поступки наши, обусловливаются не чѣмъ-либо для насъ внешнимъ, а самимъ душевнымъ міромъ нашимъ. И этого мало. Понятіе о необходимости психическихъ законовъ и идея о свободѣ воли не только не противостоятъ одно другому, но послѣдняя прямо предполагаетъ первое. Мы говоримъ: воля свободна, т.е. дѣйствія человека зависятъ отъ его внутренняго міра. Но если бы психологическихъ законовъ не было, если бы не было связи между равными душевными явленіями, то и дѣйствія наши, роженія (въздѣ эта такіе душевные явленія) не опредѣлялись бы фактами нашей психической жизни, внутреннимъ міромъ нашимъ. Тогда пришлось бы смотрѣть на все поступки человека, какъ на какую-то слепую случайность, или же какъ на что-то обусловливаемое извнѣ, а не психическимъ міромъ его. Какъ же истолковать тѣ факты, которыми стараются опровергнуть ученіе о свободной волѣ? Статистика показываетъ, что

число преступлений в обществѣ остается
одинаковымъ. Въспомогательно это счи-
тается обусловленным не нрѣ подвигами воли
человѣка какими-то причинами внѣш-
ними, а нрѣ того, что душевная жизнь лю-
дей, ихъ внутренній міръ, которымъ
опредѣляется и направленіе ихъ воли,
складывается въ разные періоды вре-
мени въ обществѣ одинаковымъ обра-
зомъ. Что же касается идей распро-
страненныхъ въ общество, историче-
скихъ традицій и пр., то все это, конечно,
оказываетъ вліяніе на поступки наши,
но лишь вліяніе косвенное и, именко,
въ томъ отношеніи, что измѣняется
тотъ внутренній міръ человѣка, отъ
котораго зависятъ его дѣйствія, а не
въ томъ, будто пріобрѣтается сила нѣ-
что для этого внутренняго міра вѣнче-
нее, и наши дѣйствія оказываются
обусловленными извѣстн.

Психометрия.

Каждый психический процесс требует времени. Время это очень не-
велико; оно обыкновенно измѣряется ты-
сячными долями секунды ($\frac{1}{1000}$ секунды
обыкновенно обозначается через σ). Наибо-
лее усовершенствованный аппаратъ, упо-
требляемый для измѣреній времени при
психологическихъ экспериментахъ, — хро-
носкопъ Гиппа. Это часы, показывающіе
тысячные доли секунды и начинающій
идти, а равно и прекращающій свой ходъ въ
зависимости отъ замыканія и размыканія
электрической цѣсти, — такъ сказать по
мгновенно передаваемымъ сигналамъ.

Обыкновенно измѣряютъ время
такъ называемой реакціи, т.е. время про-
текающее отъ момента внешнего воз-
дѣйствія и до соответствующаго инстинк-
тнаго движенія; напримеръ, заставляя
экспериментируема нажать кнопку
электрическаго контакта и поднять па-

лесть, когда онъ усиливить звонокъ, и измерять время, которое протекаетъ отъ звонка до поднятія палъца съ кнопки. Такимъ образомъ можно идти собственно о времени, необходимомъ для физиологическихъ процессовъ, предшествующихъ сознанию ощущенія; для ощущеній, вольного процесса, ипнурьса къ мускуламъ и сокращеній соответствующихъ мѣшцъ, иначе говоря, для моторной группы чисто физиологическихъ и — психическихъ процессовъ. Такъ какъ нельзя приравнять психическіе процессы отнюдь, нельзя отграничить ихъ отъ физиологическихъ, предшествующихъ имъ и наступающихъ послѣ нихъ, то приходится только заботиться о томъ, чтобы физиологическія явленія оставались въ разныхъ случаяхъ по возможности одинаковыми.

Опытъ показалъ, что реакція бываетъ двоякаго рода: сенсорная и моторная. Иногда движенія становятся автоматическими; нервное раздраженіе непосредственно или почти непосредственно сопровождается

Псих. Лейденскій Меймановъ, Лейд. 17.

ся сокращеніемъ мускуловъ; волевой процессъ и даже какъ-бы выпадаютъ изъ цепи или выполняются одновременно съ мускульными сокращеніемъ, а не предшествуютъ ему. Въ такихъ случаяхъ реакція называется моторной. Если же описанный процессъ протекаетъ безъ пропуска посредствующихъ звеньевъ, то реакція называется сенсорной.

Можно требовать, чтобы экспериментальный субъектъ соответствен-
ное движение (например, поднялъ палецъ съ кнопки) лишь тогда, когда освоится съ впечатлѣніемъ, напримеръ, когда онъ различитъ цветъ показанной ему въ аппарате карточки или прочтетъ написанное на ней слово. Время реакціи будетъ въ такомъ случае несколько большимъ, и измѣненъ времени удержанія зрѣлаго различенія впечатлѣнія, „апперцепціи“.

Можно даже поставить вопросъ, чтобы экспериментальный, смотря по тому, какое внешнее впечатлѣніе онъ получитъ (например, увидитъ ли онъ въ аппарате крас-

нуро карточку или зеленую), произвести одно движение или же другое (например, поднять бы указательный палец или же средний³). Это называют реакцией с выбором. Реакция подобного рода требует еще больше времени; новый изгиб ее употребляется на процесс выбора, иначе говоря — соответствует осложнению волевого процесса.

Наконец, предлагая экспериментируемому с помощью аппарата карточки со словами, просить его поднять каждый раз палец лишь тогда, когда он, прочтя слово, воспроизведет по ассоциации какое-либо представление (ассоциативная реакция). Времени, конечно, требуется тогда значительно больше, чем если ограничиться простым прочтением слова на карточке.

— 132 —

Историческія замѣ- чанія.

Психологія у Аристотеля.

Мыслители до — сократовскаго періода какъ бы сивили-
вали душевныя явленія съ физиче-
скими. Они не становились на точку
зрѣнія материализма, не отрицали
психическихъ фактовъ, но достаточно
роузко разграничили между духов-
и тѣломъ и въ нихъ не находили?
Душа и тѣло представлялись фило-
софу того времени какъ бы однород-
ны. Определенную границу между ни-
ми впервые установилъ Сократъ.
Душа въ отличие отъ тѣла не-
видима, говоритъ онъ. Какъ нечто не-
видимое и божественное, она безуслов-
но отдѣльна отъ тѣла? При этомъ
Сократъ объединяетъ всю способность
человѣческаго духа въ разумъ и раз-
суживаетъ душу, просто какъ ра-

зущь. О чувствованіяхъ онъ не заговари-
вается вовсе. Это же касается нашихъ
стремленій, то Вократъ ихъ раздѣля-
етъ на двѣ группы: 1) чисто телесныя
подвужденія и страсти и 2) оуманія,
принадлежащія разуму. Тутъ нашъ, упо-
вѣрждающій афинскій мыслитель, посто-
янно борется съ толпою, и когда ока-
зывается подвужденнымъ, душа теряетъ
основное свойство свое — разумность
и становится оживотной. Психологиче-
скія замечанія. Платона опровержны.
Онъ презрѣе всего удѣрживается сокра-
товское разграниченіе между духомъ
и толпою. Душа, говоритъ Платонъ,
невидима, тогда какъ тело видимо;
душа проста, въ отличіе отъ вещей
матеріальныхъ, которыя сложны; душу
мы познаемъ разумомъ, а все мате-
ріальныя предметы воспринимаемъ
чувствами. При этомъ Платонъ, по-
добно Вократу, отождествляетъ душу съ
разумомъ. Разумъ — высшая способ-
ность человека. Душа въ сущности и
есть разумъ. Но уже Вократъ разли-
чалъ оживотную и разумную душу. Если

бы Главконтъ (одинъ изъ советодниковъ Сократа въ платоновской „Политикѣ“) ушелъ въ море, онъ былъ въ сав-
 стви не таковъ, каковъ онъ теперь, говоритъ Платонъ. Быть можетъ, онъ обросъ бы морской травой, и членъ
 тѣла его принялъ бы иную форму. Душа
 обитаетъ въ тѣлѣ человека и животныхъ
 этого наибольшаго великаго зою. Въ че-
 ловѣ своемъ видѣ она есть разумъ. Но,
 соединивъ съ тѣломъ, она принимаетъ
 въ себя новыя свойства, — свойства,
 имѣющія источники свои именно
 тѣло; при урду въ тѣло душа измѣ-
 няется, становится неразумною.
 Можно различить душу разумную и
 душу чувственную, животную, нера-
 зумную. Впрочемъ, въ „Политикѣ“ и
 „Политикѣ“ Платонъ различаетъ
 три вида души: $\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \lambda\omicron\gamma\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$,
 $\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \theta\upsilon\mu\omicron\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$ и $\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\omicron\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$.
 Высшая разумная душа
 ($\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \lambda\omicron\gamma\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$) живетъ въ головѣ
 человека. $\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \theta\upsilon\mu\omicron\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$ (душа
 страстная) обитаетъ въ груди. Ду-
 ша похотливая ($\epsilon\omicron\acute{\iota}\ \epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\omicron\iota\kappa\omicron\iota\kappa\acute{\omicron}\nu$)

народится въ грѣшнѣхъ. Кажется въ
 такое состояніе противорѣчить предше-
 му двойному раздѣленію (душа разум-
 ная и душа неразумная). На самомъ
 дѣлѣ это не такъ. Душа въ чистомъ
 своемъ видѣ есть разумъ. Но при соеди-
 неніи съ тѣломъ она воспринимаетъ
 въ себя животное, чувственное, нера-
 зумныя элементы, становится нера-
 зумной. Можно различить душу ра-
 зумную — это душа въ ея первоначаль-
 номъ, чистомъ видѣ — и душу нера-
 зумную, это душа, какою она оказы-
 вается при соединеніи съ тѣломъ. Ма-
 ковъ смыслъ перваго сдѣленія. Что же
 касается второго, то въ немъ Пла-
 тонъ имѣетъ въ виду охарактеризо-
 вать различные измѣненія, которымъ
 подвергается душа при жизни въ тѣлѣ.
 Въ наиболѣе чистомъ своемъ видѣ она
 все же сохраняетъ форму *ἑὸς ζῴου* —
 души разумной. Чѣмъ болѣе
 сливается съ тѣломъ, она ста-
 новится *ἑὸς ἰσσοειδὸς* — душою
 страстной. Наконецъ, при наибольшемъ
 сліяніи съ тѣломъ, душа дѣлается

το' ἐπεὶ οὐκ ἔστιν — похотишвой.

Въ до-платоновскій періодъ строго не разграничили душевную и физическую, а потому и чувственное воспріятіе обыкновенно разсматривали какъ явление физическое, не выходящее изъ ряду вонъ.

Эмпедоклъ говоритъ, что при ощущеніи подобное дѣйствуетъ на подобное, т. е. элементы, составляющіе предметъ, вѣдуютъ на подобные имъ элементы человеческого тѣла. Въ такомъ же смыслѣ учил Анаксагоръ, будто при внѣшнемъ воспріятіи противоположное дѣйствуетъ на противоположное.

Такъ называемые "текуіе" философы (последователи Гераклита) утверждали, что движется съ одной стороны внѣшній предметъ, а съ другой — тѣло человека, при столкновеніи ихъ и ощущается учено-вѣтка ощущение. Демокритъ объясняетъ фактъ воспріятія тѣмъ, что предметы разсылаются во все стороны матеріальныя образы, которые проникаютъ въ человеческое тѣло и доходятъ

во чувствующа. Платонъ отчетливо различаетъ въ ощущеніи телесный, физіологическій элементъ и элементъ психическій³. При чувственномъ воспріятіи происходитъ перемѣна въ органъ чувства. Таковъ телесный элементъ. Но иногда ощущение не доходитъ до души, говоритъ Платонъ въ „Менекмахъ“. Органъ чувства, чувствуя лишь такое же, познаетъ только известный родъ ощущений (например, ухо — звукъ только), а находитъ общее и отличное въ ощущеніяхъ, сравниваетъ ихъ между собой и этимъ путемъ познавать надлежитъ душу. Для того, чтобы возникло ощущение въ обыкновенномъ смысле этого слова (ощущеніе сознаваемое), необходима перемѣна въ органъ чувства, и, съ другой стороны, участіе души.

Эти замѣчанія Платона содержатъ въ себѣ такое указаніе на законъ относительности. Нашъ мыслитель не только вообще настаиваетъ на необходимости психическаго элемента при ощущеніи, но и частію

198 —
характеризует познавательный процесс при восприятии: мы находим, говорит он, в новом ощущении общее и отличное, т.е. сравниваем его с другими прежде полученными.

Затем Платон много говорит о памяти, воспоминании и воображении. Полученное при внешнем восприятии ощущение нередко продолжается и без измещения тела, т.е. когда воздействие предмета на органы чувств уже прекратилось. Такое сохранение ощущений называется памятью. Таким образом, Платон обозначает этим термином лишь ограниченный ряд фактов и не прибегает к своему воспроизведению пережившихся с нами сознанием представлений и идей. Объясняет он память только образом. Ум человека похож на доску, намазанную воском, на которой кладет свой отпечаток перстень. Если прежде испытанное ощущение воспроизводить „без измещения тела“, т.е. без воздействия внешнего предмета на организм человека, мы называем это воспоминанием (в отличие

отъ памяти). Обращаясь къ описанію этого процесса, Платонъ съ большимъ вниманіемъ останавливается на характерная сторонахъ воспоминаній по сходству и сличности. Возбужденіе Симміаса (пикагорецъ, одинъ изъ содесодниковъ Сократа въ "Редонто") вызываетъ мысль о Симміасъ самомъ имъ же его сотоварищѣ Кевисѣ (другой пикагорецъ, другъ и единомышленникъ Симміаса). Однако теоріи психологическаго ассоцірованій Платонъ не выработалъ. Иногда образы возникаютъ просто „по повелѣнію души“. Это назывался возбужденіемъ. Приведенныя платоновскія замѣчанія имѣютъ значеніе не столько по своему содержанию, сколько потому, что въ нихъ были намечены опредѣленные психологическіе вопросы, которые требовали разрозненій и останавливали на себѣ вниманіе последующихъ представителей науки о душѣ.

Сократъ требовалъ, чтобы разумъ подчинялся влеченіямъ тѣла. Платонъ также говорилъ о борьбѣ между разумомъ и тѣлесными стремленіями.

то ему принадлежить познание чувствен-
ных предметов (τα νοητά). Какъ из-
вестно, Платонъ не вторитъ показа-
нiямъ внѣшнихъ чувствъ; онъ не даѣтъ
истиннаго знанiя (ἐπιστήμη), дума-
етъ онъ; чувства обманываютъ насъ;
онъ говоритъ о чешъ-то, съ теченiемъ
времени исчезающемъ, снѣгающемъ,
перодеющемъ; лишь помощью разума по-
знаемъ мы неизмѣнныя, постоянныя бы-
тiя, истинныя сущности предметовъ
— ноумены, т.е. вещи, каковы онѣ, не-
зависимо отъ результатовъ, къ коимъ
приводитъ взаимодействие между внѣш-
ними предметами и человеческимъ фак-
томъ при чувственномъ воспрiятii;
ноумены и суть чувственные предме-
ты, въ отнѣшенiи отъ всего, что мы по-
знаемъ чувствами (τα αἰσθητά).
Платонъ особенно много трудится
надъ тѣмъ, чтобы доказать безсмер-
тiе души. Его диалогъ „Федонъ“ весь
посвященъ этому. Кроме того мы
встрѣчаемъ доказательства безсмертiя
души въ „Федрѣ“, „Тимеѣ“ и „Полити-
кѣ“. Платонъ предлагаетъ съ рав-

ными вариациями в частностях сего-
дущее учение. Демиургъ, создавая души
людей, приурочилъ каждую изъ нихъ къ
особому небесному тѣлу, къ особой звѣз-
дѣ (на звѣзды и вообще небесныя тѣла
Платонъ смотритъ, какъ на что-то бо-
госущественное), и послѣ бурнданій на зем-
лѣ душа въ концы концовъ возвращаеца
на свою звѣзду, гдѣ уже ведетъ собственную
жизнь. Во время земной жизни чело-
вѣкъ она воспринимаетъ въ себя различные
чувственные элементы, становится чѣмъ-
то тѣлеснымъ, вслѣдствіе этого какъ
бы влечется къ землѣ и въ видѣ какой-
то тѣни или призрака бродитъ послѣ
смерти тѣла вокругъ гробницъ и въ дру-
гихъ уединенныхъ мѣстахъ. Наконецъ,
по прошествіи тѣхъ или иныхъ лѣтъ, душа пе-
ресекается въ другое грубое существо.
Смотря по заслугамъ, склонностямъ и
характеру умершаго, она переходитъ
въ чело-вѣка опять или грубо-тѣльное соот-
вѣствующаго типа. Такъ пересели-
ся она въ продолженіе десяти тысячъ
лѣтъ. По истеченіи этого срока ду-
ша уносится въ небесныя сферы и на-

пикается утраты блаженной жизни. Как
сказано, она принимает в себя чув-
ственные элементы, когда человек жи-
вет на земле. Чтобы перейти в не-
бесное обиталище, чтобы поселиться в
первоначальном своем жилище, она
должна отбросить все телесное. Это очи-
щение и происходит будто бы в период
странствования ее, когда она переходит
из одного живого существа в другое
и таким образом постепенно продол-
жает свою земную жизнь. Но очищение
заключается в том, что душа осво-
бождается от всякого рода чувствен-
ных элементов. Между тем истин-
ный философ именно удаляется ^{свое} всю
жизнь от всего материального, чув-
ственного и упикивается в миръ ра-
зумия, в миръ вечных и истинных
идей. Философ очищает свою душу от
принадлежащих ей чувственных эле-
ментов. А потому, когда он умира-
ет, душа его не переселяется в дру-
гид существа, а прямо попадает в
свободное жилище богов.

та и Платона разработано давшее
Аристотелем. Он посвящает нашей
науке особый трактат "О Душе"
(кроме того несколько мелких сочинений).
Правда, сочинение великого Стагирита,
содержит в себе много метафизическа-
го, понятие же о "эмпирической психо-
логии" устанавливается несравненно
позже, благодаря работам английских
философов — Локка, Беркли,
Юма и др., но уже появление ари-
стотелевского трактата имело важ-
ное значение, ибо таким образом ве-
ликий мыслитель древнего мира груп-
пировал психологические вопросы в
особое целое и способствовал выделе-
нию науки психологии из философии
вообще. Его и считают обыкновенно
основателем психологии. Нужно при
этом заметить, что великий Ста-
гирит пользуется при разработке
своего психологического учения не само-
наблюдением только, как это склон-
ны были думать Сократ и Платон,
но и объективным, а равно и сравни-
тельным методом.

Прежде всего занимается Аристотелем вопрос о том, что такое душа. С большим вниманием рассматривает онъ воззрѣнія своихъ предшественниковъ и приходитъ къ заключенію, что никто еще не опредѣлилъ души правильно. И вотъ, онъ задается цѣлью представить свое опредѣленіе. Чтобы вполнѣ понять аристотелевское ученіе о душѣ, необходимо остановиться сначала на некоторыхъ метафизическихъ его воззрѣніяхъ. Аристотель различаетъ четыре рода причинъ. Первая, говоритъ онъ, спросится домъ. Необходима матерія, изъ которой его можно было бы построить, причина матеріальная. Изъ существующаго матеріала строятъ дома люди. Вторая быть на миръ причина двоящая. Люди действуют въ этомъ случаѣ съ опредѣленною цѣлью: они хотятъ именно построить домъ. Цѣль — это причина конечная. Въ результатъ существующаго матеріала обращается въ домъ, въ нечто такое, что называется опредѣленнымъ существованіемъ.